

этом – следует понимать – трансформирующиеся в историческом времени. В совокупности они определяют самоидентификацию социума и его образ в историческом, геополитическом пространстве. Экстернализм, характеризующий историческую этику, отражает тенденцию ориентирования к интерпретациям прошлого через социальные, политические, экономические, культурно-религиозные и другие контексты. И это формирует запрос на структурный функционал соответствующей прикладной этической дисциплины и экспертный подход к его осуществлению.

Заключение. Рассмотрение разных интерпретаций демонстрирует пересечение позиций относительно определения сущности и предназначения исторической этики.

В целом, предметом прикладной этики выступают императивное и ценностное содержание профессиональных и (или) предметных практик [3, с. 168], так и предмет исторической этики составляет, в общем, нормативно-аксиологическое содержание профессиональной деятельности историков и ее результата (продукта) – исторического знания, а также различных исторических практик, реализуемых в частной и общественной жизни – от коммеморации до политико-идеологических дискурсов. Специфика исторической этики определяется тем, что она имеет дело, во-первых, с прошлым в непосредственном его сопряжении с настоящим и будущим, а во-вторых, с общественным сознанием. Многочисленные вышеуказанные функции данной дисциплины непосредственно связаны между собой. Для их выполнения (и это одна из главных проблемных, дискуссионных задач) необходимы эксперты-медиаторы, неангажированные и владеющие методологией разрешения историко-этических коллизий. Соответственно, вопрос выработки единого подхода остается открытым и требует соотнесения и учета универсальных историко-этических принципов и норм с частными историческими нарративами.

1. Беляева, Е.В. Моральная составляющая исторической культуры как проблема фундаментальной и прикладной этики / Е.В. Беляева // Философия и методология истории : сб. науч. ст. VIII Всероссийской науч. конф., Коломна, 19 апреля 2019 г. / МИНОБРНАУКИ РФ, М-во образования Моск. обл., Гос. соц-гум. ун-т / отв. ред. С.Г. Калашников. – Коломна : ГСГУ, 2019. – С. 6–13.
2. Буллер, А., Линченко, А.А. Зачем нужна историческая этика? / А. Буллер, А.А. Линченко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2023. – Т. 39. – Вып. 3. – С. 423–435.
3. Мишаткина, Т.В. Этика : учеб. пособие / Т.В. Мишаткина, Я.С. Яскевич. – Минск : Вышэйшая школа, 2017. – 334 с.

ПРОБЛЕМА РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЯ И ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ

Э.И. Рудковский
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

В условиях нарастающей динамики общественных процессов меняются стереотипы, подвергаются ревизии сложившиеся ценности и устои социума. Предпринимаются попытки не только изменения окружающей среды, но и самого человека, его природы. Реальной стала угроза расчеловечивания, утверждения так называемой «новой нормальности», которая не имеет ничего общего со свободой человека, гуманностью, индикаторами духовной культуры.

Цель исследования – анализ основных тенденций процесса расчеловечивания в современном мире и путей сохранения духовности.

Материал и методы. Материалом исследования стали информационно-технологические и социально-политические процессы, ведущие к расчеловечиванию человеческого бытия. Использованы основные общелогические и общепринятые методы теоретические познания.

Результаты и их обсуждение. Проблема расчеловечивания, как нам видится, имеет два аспекта: информационно-технологический и социально-политический. Первый из них связан с развитием цифровой среды. Безусловно, ИИ как полезный и удобный многофункциональный инструмент играет огромную роль не только в повседневных делах (хотя бы в виде голосовых помощников), но и в решении вопросов, связанных с анализом, обобщением, прогнозированием, управлением общественными, логистическими, производственными, банковскими процессами, в здравоохранении, образовании, обороне и т.д. Однако развитие ИИ семимильными шагами несет в себе и настораживающие тенденции. Оценки этого процесса варьируются в диапазоне от весьма радужных до крайне тревожных, в частности, отмечается, что «упрощается общение, ослабляется память, снижается активность познания, затрудняется анализ сложных текстов» [1, с. 357]. ИИ становится агентом социализации, влияющим на миropонимание, аксиологические характеристики пользователя, поскольку поиск и обработка информации искусственным интеллектом ограничен идеологическими приоритетами и ценностными установками разработчиков ПО.

Не следует наделять ИИ большим значением, чем он может иметь для сохранения человеческого в человеке. Нельзя допустить, чтобы ИИ стало новым мировоззрением, подчиняющим себе человеческое бытие, вытесняющим из него подлинно гуманное: переживание красоты, добра, справедливости, чувства любви и сострадания. Не будем забывать, что интеллект как проявление логики не равен психологическому интеллекту, сознание человека включает не только рациосферу, но и чувственную сторону. Если человек отдает на откуп ИИ имитацию своих познавательных способностей, то как бы рефлекторно не возникло и осуждение подлинно человеческого в человеке, игра в человечность, потеря усилий к личностному саморазвитию. Под угрозой угнетения со стороны ИИ то, что не без гордости называлось философами «человеческий дух». ИИ не имеет ни нравственных принципов, ни ценностей, поэтому принятые им без морального фильтра решения могут нести самые негативные последствия. К примеру, он не несет ответственность за свои рекомендации. Поэтому, чтобы избежать, по образному сравнению И. Мaska, «вызыва демона» с помощью ИИ, следует уделять максимальное внимание этической и технологической безопасности внедрения цифровизации.

Нельзя допустить, чтобы технологии цифровизации использовались для внедрения идеологии трансгуманизма, всего того, что ведет к изменению сущности человека, модификации его природы. Человек не может и не должен стать лишь цифровой формой жизни, потонуть в цифровом пространстве. Тотальный уход в цифровое взаимодействие многократно увеличивает возможности для манипулирования сознанием людей, навязывания деструктивных форм жизнедеятельности. Понятно, что внедрение достижений ИИ – это объективный и всевозрастающий процесс. Однако общество обязано контролировать его, используя весь арсенал средств: политических, юридических, социальных, духовных, руководствуясь при этом девизом древних греков: ничего сверх меры.

В условиях цифровизации общества формируется цифровая культура, одной из форм которой является культура отмены. Цифровая среда становится площадкой «для реализации различного рода коммуникативных практик, в том числе и «отменяющих» [2, с. 124]. И здесь мы переходим ко второму аспекту проблемы.

Процессы расчеловечивания тесно связаны с кризисом западной цивилизации. Той западной цивилизации, которую мы знали, больше нет. Она стареет, дряхлеет, вырождается. Она дошла до саморазрушения своей политикой, «демократическими» новшествами, дегенеративными субкультурами, половым «разнообразием», духовной леностью, абсолютным нарушением всяких человеческих, нравственных правил. Жизнь в комфорте постепенно привела к постепенной деградации всего того, что когда-то

было образцом вкуса, морали, духовности в целом. Психология потребления стала за- слонять поиски подлинных смыслов человеческого бытия. Сегодня кредо Запада све- лось к постулату «иметь – значит быть». Качество жизни определяется количеством, мерой удовольствий. Традиционные духовные императивы называются анахронизмом, недостойным того, чтобы им следовать.

Идеология неолиберализма, которая направлена на продвижение трансгуманизма, ЛГБТ, радикального феминизма, способствует размыванию устоявшихся основ образа жизни людей, ценностей семьи и брака, т.е. являет собой ту самую культуру отмены. Общественные деятели, политики, ученые, журналисты, выступающие против такой практики, подвергаются деструкции, дискриминации. Неолиберальная политика и идеология все больше становятся тоталитарными. Крайности сходятся, про- исходит совпадение противоположностей, о чем в свое время рассуждали филосо- фы-диалектики.

Важно подчеркнуть, «программы искусственного интеллекта пишут разные люди, живущие в определенной исторической и социокультурной среде, отличающиеся в трактовке нравственных принципов и ценностей» [1, с. 359]. В силу указанных выше процессов, нарастающих рисков человеческого бытия, нетождественности националь- ных социокультурных практик встает вопрос защиты и продвижения традиционных ценностей белорусского народа. Неолиберальный мир им враждебен по своей сути. К традиционным ценностям относятся те нормы и принципы, которые складывались на протяжении столетий и определяют общественное бытие этноса. Многие ценности от- носятся к числу универсальных, общечеловеческих. Они важны для каждого человека, независимо от конкретных условий социального бытия, и связаны с экзистенциальны- ми основаниями природы человека. К таким ценностям относятся жизнь, здоровье, безопасность, семья, самоуважение, свобода. При этом на содержание традиционных ценностей влияют религия, идеология, исторический опыт, политический режим, вся динамика общественных отношений.

Заключение. Нельзя уйти от реалий информационного общества. Но они не должны противоречить культурному коду народа, его национальным духовным ценно- стям, которые делают народ народом как единым сообществом, обеспечивают без- опасность общества, его идентичность. В этом и выражается важнейшая идеологиче- ская цель государства. Национальная идея может основываться только на духовном наследии народа, учите его культурного кода и в таком случае воплотиться в наличных формах жизнедеятельности людей.

1. Емельяненко, В. Д. Влияние искусственного интеллекта на духовный мир человека / В. Д. Емельяненко, И. В. Малашен- ко, К. А. Матаков // Манускрипт. – 2025. – Т. 18. – Вып. 1. – С. 357–363.

2. Щенина, О. Г. Культура отмены в политическом дискурсе: множественность форм и возможности исследования / О. Г. Щенина // Вестник Института социологии. – 2023. – Т. 14, № 4. – С. 112–127.

БЕЛОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Ю.А. Русланский
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

В целях устойчивого и динамичного всестороннего развития белорусского народа в 1920-е годы важным шагом было создание необходимых этнокультурных условий. Разработанным законопроектом, положившим начало переустройству белорусской литературы, стала политика белорусизации. Разноплановые изменения обще- ственной и культурной жизни БССР, систем образования и печати стимулировали ак- тивное участие белорусских писателей в возрождении и развитии литературы, печати, публицистики, истории, этнографии.